

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК СМЫСЛ СУЩЕСТВОВАНИЯ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЭТНОСА

Вадим Анатольевич ТУРАЕВ,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

National idea as the meaning of life and strategy of development of ethnic community.
V.A. Turaev, Candidate of Historical Sciences, a Leading researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok.

В рамках обсуждаемой проблемы мне хотелось бы прежде всего обратить внимание на многозначность понятия «национальная идея» и условность применения его традиционного понимания к коренным малочисленным народам. В наиболее распространённой в настоящее время трактовке термина о национальной идее принято говорить, имея в виду главным образом цель государства и его идеологию. Если же национальную идею понимать как совокупность основополагающих этических (нравственных) идей, присущих каждому народу, то использование этого термина не покажется уж столь неприемлемым. В этом смысле вполне определённо можно говорить и о национальной идее, скажем, русского народа («русской идее»), и об идее любой другой этнической общности, какой бы малочисленной она ни была. В нашем обсуждении, как я полагаю, речь должна идти именно о таком понимании.

В этой связи хочу обратить внимание ещё на одно обстоятельство. Между национальной идеей как совокупностью идеологических ценностей, положенных в основу государственности, и национальной идеей как смысле существования этноса не может не быть существенных различий. Главная задача национальной идеи государства состоит в объединении усилий всех его граждан для достижения определённой цели (строительство коммунизма, например) в сохранении и развитии государства. Назначение идеи народа в другом — она должна способствовать сохранению этноса, его самобытной культуры, его неповторимого «я».

Национально-государственная идея — продукт творчества политической элиты, её идеологических ориентаций и может меняться в зависимости от исторических обстоятельств (вчера мы строили коммунизм, сегодня — демократическое государство). Национальная идея народа — продукт народной культуры в её историческом развитии, она живёт в нем во все времена, при всех политических режимах. Чаще всего она может не иметь яркой формулировки, но всегда существует, пока жив тот или иной народ. Национальные идеи государств могут существенно различаться. Национальная идея всех народов, в какие бы философские и мировоззренческие одежды не облекали её интеллектуалы, по сути, одна — остаться самим собой.

Как соотносятся между собой национальные идеи государства и этноса? Здесь возможны разные варианты. Национально-государственная идея может одновременно быть и национальной идеей этноса. Такое характерно обычно для

моноэтнических государств (Япония, Норвегия), но их не так уж много. В мире существует более 5 тысяч этнических общностей (народов) и всего лишь около 200 государств. Государство может убедить народ (или навязать ему), что национально-государственная идея и есть то, к чему он должен стремиться, хотя это и может противоречить его интересам. Достаточно вспомнить государственную идею фашистской Германии, приведшую немцев на грань катастрофы.

Сложнее всего в многонациональных государствах. В их состав входят чаще всего как крупные государствообразующие этносы, так и этнические меньшинства. Любое государство при реализации своей цели (идеи) стремится к политической консолидации граждан. В странах, где межэтнические взаимодействия строятся на основе модели культурного плюрализма (признание всех этнических общностей одинаково ценными), такая консолидация происходит обычно на основе общечеловеческих ценностей и не вызывает осложнений. В государствах, где образование гражданской нации (политическая консолидация) идёт на базе господствующего этноса и его культуры (имперская модель), чаще всего возникают серьёзные коллизии.

Осознание народами своего неравноправия в таких государствах порождает у них интересы, отличные от интересов страны, в состав которой они вошли по тем или иным причинам, ведёт к различным формам сопротивления. Национально-государственная идея не может быть идеей только одного народа, пусть даже и государствообразующего. Когда такое случается, противоречия между идеей народа и национально-государственной идеей могут приобретать весьма острые формы и заканчиваться развалом государства.

Как показывает исторический опыт, идея многих народов мира, осознавших своё неравноправие, концентрировалась вокруг возможности иметь собственное государство, которое рассматривалось как главная гарантия сохранения этноса, развития его творческих сил. Стремление к созданию государства становилось особенно мощной мобилизующей силой для тех народов, которые в далёком прошлом имели свои государственные образования, но в силу разных исторических причин их утратили. Наиболее яркий пример в этом отношении — Польша. Памятью о Великой Польше, могучем государстве «от моря до моря», на протяжении столетий жило несколько поколений поляков. Но вот что интересно! Когда эта мечта, наконец, осуществилась и Польша стала независимым государством, оказалось, что это не принесло полякам желательного успокоения. Экономическая отсталость государства породила бедность, кризисы, политические катаклизмы и как следствие — очередную утрату политической независимости. Вряд ли стоит напоминать о том, что на эти же грабли наступили в конце XX в. и бывшие советские республики.

Существуют, однако, и другие сценарии национальной идеи. Один из них ярко продемонстрировали рюкюсцы — небольшой народ в составе японской нации. Они добровольно отказались от идеи независимости, хотя их откровенно подталкивали к этому США в период оккупации Окинавы. Они выбрали другой путь — путь воссоединения с Японией [2, с. 18]. Спрашивается, чья национальная идея оказалась продуктивнее, принесла больше пользы? Не думаю, что рюкюсцы, не имеющие своего государства, менее счастливы, чем те же поляки, у которых такое государство существует.

Идея борьбы за собственную государственность, безусловно, чрезвычайно притягательна в современном мире. Однако зачастую она не только не решает проблем, с которыми сталкивается народ, но и создаёт дополнительные. Осознание этой истины, печальный опыт национального возрождения через достижение независимости для многих малых народов Европы не прошёл бесследно.

Вот, например, что пишет о болгарской национальной идее болгарский писатель Панко Анчев: «Болгарская история не даёт нам оснований считать, будто у нас есть какая-то особая миссия... Чтобы уцелеть, мы вынуждены были всё время приспособливаться, обращаться за помощью то к Востоку, то к Западу, то к одним, то к другим великим силам. В этом и состояла болгарская национальная идея. Нам никак нельзя от неё отказаться и сегодня, мы не должны зажить мыслью, что именно от нас зависят судьбы человечества. Когда такое сумасшествие охватывало болгар, мы платили за это кровью и страданиями всего народа. Поэтому нам лучше осознать себя такими, какие мы есть, привязаться к какой-нибудь великой нации и ждать от неё спасения и помощи» [1].

Разумеется, можно иронизировать по поводу такой национальной идеи. Но стоит ли? В истории немало примеров, когда именно такой подход обеспечил народу существование, сохранил его для будущей истории. Достаточно вспомнить судьбу древнерусского народа в период татаро-монгольского нашествия. Политика наиболее дальновидных русских князей (Александр Невский, Иван Калита), пожертвовавших на определённом этапе своей политической самостоятельностью, «прилепившихся» к Золотой Орде, позволила не только сохранить свой народ и его культуру, но и восстановить государственную независимость. И это был далеко не единственный такой выбор. Призвание варягов, например, обезопасило славянские земли не только от норманского нашествия, но и внутренних смут. Инстинкт самосохранения присущ каждому народу.

Есть немало попыток связать смыслообразующую идею народа с его предназначением. Ещё Г. Гегель писал о том, что у каждого народа должен быть свой собственный принцип, к воплощению которого он стремится как к своей цели; как только он достигнет этой цели, ему уже нечего делать на земле. Можно соглашаться или оспаривать такое утверждение, однако убедительно доказать ни то, ни другое невозможно. Если всё же исходить из такой посылки, можно задать вопросом: учитывая современное состояние коренных народов Дальнего Востока, многие из которых находятся на грани исчезновения, не означает ли это, что они уже выполнили свою историческую миссию, и если да, то в чем она состояла?

Утверждение о том, что коренные народы Сибири и Дальнего Востока внесли выдающийся вклад в историю развития мировой культуры, давно известно. Подробно описаны особенности их хозяйства, материальной и духовной культуры, но все эти описания очень похожи на описания деревьев, за которыми не видно леса. Истинный вклад коренных народов в историю развития человечества всё ещё не оценён по достоинству, по крайней мере, в нашей стране. Коротко его можно сформулировать так: заселив и освоив чрезвычайно неблагоприятную в природно-климатическом отношении территорию, коренные народы сформировали уникальную систему жизнеобеспечения, при которой человек может не только существовать, но и создавать яркие образцы культуры. Опыт адаптации коренных народов к природной среде, воспринятый и творчески переработанный славянскими переселенцами, сделал возможным всё последующее хозяйственное освоение региона. Сибирь и Дальний Восток без коренных народов никогда не стали бы в такой короткий срок русскими и российскими, а без Сибири и Дальнего Востока Русь никогда не стала бы Россией.

Примеров «исторической миссии» народа большей или меньшей значимости можно привести множество. Культура древних китайцев положила начало Японии и японцев. На достижениях и культуре шумерской цивилизации сформировались многие современные народы и государства Ближнего Востока. Аккадийцы выстроили Вавилон — первый в мире город с миллионным населением,

мая первыми в мировой истории стали использовать в математике нуль, инки, по словам А. Гумбольдта, создали самое выдающееся творение человека за всю его историю — дороги. Было ли всё это их предназначением? Истинное предназначение народа не знает никто.

Большинство народов, стоявших у истоков этих и других не менее выдающихся достижений, сегодня не существует. Но это совсем не означает, что они исчезли, потому что выполнили своё «предназначение». Народ перестаёт существовать совсем по другой причине — когда люди, его составляющие, перестают ощущать себя наследниками своих традиций. Происходит это по-разному, но всегда в процессе межэтнического взаимодействия. Основные его варианты весьма эмоционально, но в целом достоверно описаны Л.Н. Гумилёвым. Их четыре: сосуществование, ассимиляция, метисация и слияние (мисцегинация) [3, с. 107]. Наибольшую опасность для существования этноса представляют ассимиляция и метисация, особенно последняя, возможно, потому что меньше всего осознаётся её опасность*. Между тем всёвозрастающая доля метисов в составе этноса действительно способна разрушить этническую систему. Для крупных многомиллионных этносов инкорпорация в свой состав представителей других этнических групп не только не опасна, но и полезна. Способность этноса (как и его языка) к заимствованию — один из важнейших показателей его высокой жизнеспособности**. Для малочисленных этносов, демографический потенциал которых не в состоянии «переварить» в своей среде иноэтнические элементы, метисация представляет вполне реальную угрозу. Метисы, особенно во втором и третьем поколениях, перестают ощущать себя продолжателями жизни своих аборигенных предков, не способны к сохранению этнической традиции, а без неё этнос обречён.

И здесь мы подходим к главному вопросу нашей дискуссии — способны ли коренные народы в их современном состоянии к собственной «национальной» идее? Нужна ли она вообще для народа, если он весьма не многочислен, не имеет собственной государственности, растворён среди массы иноязычного населения? Не лучше ли задуматься над тем, как справиться с повседневными трудностями, ставящими под угрозу само существование этих народов?

Можно полагать, что в условиях глобализации главное для всех народов — не потерять своего лица. Для коренных народов это особенно актуально в силу их малочисленности. Новый этап этнокультурного взаимодействия делает весьма актуальной проблему будущего этих народов. Реальная ситуация в районах расселения коренных народов в этом отношении весьма неоднозначна. Речь не идёт (пока!) об их физическом существовании. Многочисленные публикации на страницах периодической печати о вымирании в большинстве случаев не имеют под собой оснований. Сокращение численности больших и малых народов, наблюдаемое в последние десятилетия, прежде всего результат снижения рождаемости, связанного с коренными изменениями в социальной жизни и семейных отношениях (дети перестали рассматриваться как способ обеспечения старости родителей). Проблемным представляется вопрос о путях дальнейшего развития коренных народов, государственной стратегии в отношении их.

* В ранге угроз существованию своего народа, как показывают наши этносоциологические исследования среди дальневосточных эвенков, например межэтнические браки стоят на последнем месте [6, с. 115]. Аналогичная ситуация и у других коренных народов Дальнего Востока.

** В этом случае уместно сказать о моем скептическом отношении к проблеме «заимствования» русского языка заимствованиями. Речь, разумеется, о неологизмах, а не о блатной и жаргонной лексике.

В настоящее время у малочисленных народов нет общей цели, которая осознавалась бы всеми и объединяла всех. В XX в. произошли глубокие изменения в их образе жизни, социально-профессиональной структуре, в этнохозяйственном комплексе, семейно-брачных отношениях, соционормативной культуре. В этническом и социальном отношениях их общество очень неоднородно. Этничность поддерживается не внутренней связью с этнической традицией, а политикой государства в отношении коренных малочисленных народов, их статусом, дающим право на некоторые преференции. А если в обществе нет понятной и всеми разделяемой идеи, которая наполняла бы его смыслом существования, неизбежно возникает стремление отыскать что-то такое, что могло бы объединить дезорганизованное общество. В роли такой «соломинки для утопающего» воспринимается традиция.

Концепция (идея) традиционализма (неотрадиционализма) весьма популярная среди самих аборигенов в конце 80-х — начале 90-х гг. и ими же положенная в основу своего развития в постсоветский период, как показывают исследования, оказалась в большинстве случаев нежизнеспособной. Основанная на идеализации исчезнувшего традиционного хозяйственного и социально-культурного уклада, она не обеспечивает приемлемых жизненных условий, ведёт к изоляции от современных форм организации общественной жизни. Традиционность в реальной жизни (хозяйстве, быту) тождественна неэффективности и неудобству. Это хорошо понимает значительная часть коренного населения. Вместе с тем отвергается и советский опыт «некапиталистического развития» с доминированием государства во всех сферах этнической жизни. Растёт число тех, кто предпочитает решать возникающие проблемы самостоятельно, не обращаясь за помощью к государственным структурам. Появились семьи, общины, жизненной установкой которых является *культурно-ориентированное саморазвитие*. Совершенно очевидно, что этот пока ещё не очень многочисленный, но весьма обнадёживающий опыт представляет исключительный интерес, является не только актуальной научной проблемой, но и имеет большую практическую значимость.

Идея *многовариантного культурно-ориентированного саморазвития* отражает современные потребности коренных народов, но не является продуктом их собственного интеллектуального осмысления. Как выбор цели она предложена В.А. Тишковым [5, с. 177—182] и является пока предметом обсуждения научного сообщества. Станет ли она действительно народной идеей, во многом будет зависеть не столько от самих коренных народов, сколько от государства. К сожалению, как это следует из Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов РФ, принятой Правительством РФ в феврале 2009 г., государство отнюдь не озабочено этой проблемой. По своему содержанию концепция мало отличается от постановлений партии и правительства советского периода. Упор в ней делается на решение социально-экономических проблем, устранение явлений социально-культурной деградации. Всё это действительно важно и нужно, но вряд ли способно вдохновить коренные народы на борьбу за своё существование. Государственный патернализм, как показывает советский опыт, не сохраняет, а разрушает этнические системы.

Одной из своих целей концепция по-прежнему провозглашает *развитие традиционного образа жизни* коренных народов, которого либо уже вообще не существует, либо он сильно трансформирован. Безусловно, «стричь всех под одну гребёнку» государству проще. Между тем для эффективного решения проблем малочисленных народов нужны разные подходы, причём как к отдельным этническим общностям, так и к разным социальным группам аборигенного населе-

ния. То, что ещё возможно на Чукотке или в Корякском автономном округе, совершенно не годится в бассейне Амура. Но дело не только в этом.

Положения концепции входят в вопиющее противоречие с хозяйственной практикой государства. Концепция предусматривает приоритетность доступа малочисленных народов Севера к рыбопромысловым участкам и охотничьим угодьям в местах их традиционного проживания и хозяйственной деятельности, а законодательные и подзаконные акты (различные положения, правила, инструкции), регламентирующие деятельность в традиционных отраслях хозяйства, по существу превращают это положение концепции в фикцию. Так, например, в соответствии с законом о рыболовстве предоставление рыболовецких участков возможно только по результатам конкурса. Правила проведения конкурса таковы, что выиграть его не в состоянии не только национальные общины аборигенов, но даже рыболовецкие колхозы. Победителями, а соответственно и хозяевами рыболовецких участков становятся преимущественно крупные рыбодобывающие компании не местного происхождения.

Ещё один свежий пример — новый Закон «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов». В нем также заложен принцип платности за ресурсы и всё те же аукционы на право заключения охотхозяйственных соглашений. Не предусматривается выделение коренным народам охотучастков для ведения традиционного образа жизни. Реализация этого закона приведёт к тому, что участки, на которых сейчас охотится местное население, попадут на аукцион и обретут новых хозяев, поскольку платить за них людям нечем. О каком развитии традиционного образа жизни коренных народов можно говорить в таком случае?

На Востоке есть поговорка: хочешь накормить голодного — дай ему корзину рыбы, хочешь, чтобы он был сыт каждый день, — подари ему сеть. Корзины рыбы нашему государству не жалко. Проблемы с сетью.

Нельзя сохранять народ как целостную систему, лишая его возможности развиваться самостоятельно, не сохраняя тот гумусный слой, на котором он и может развиваться. Для коренных народов (и не только для них!) таким слоем выступает сельское поселение с его традиционной экономикой, со своим неповторимым колоритом, «особым духом». В иерархии общественных ценностей в разных странах место таких поселений различно. В одной стране их будут лелеять как национальную особенность, в других — укрупнять и ликвидировать. В Хабаровском крае, например, только в период между двумя последними переписями населения (1989 и 2002 гг.) исчезло 158 сельских поселений [4, с. 88]. Если не будем поддерживать жизнь на селе, мы не только растеряем последние остатки традиционной культуры, но и никакой армией эти территории не удержим. Это уже не вопрос сохранения народа, а вопрос государственной безопасности.

Ситуация такова, что в обозримом будущем малочисленные народы будут, видимо, составлять основное постоянное население на значительной части северных территорий. Уже в настоящее время их доля достигает в отдельных районах 30—40 и более процентов. Уже одно это обстоятельство побуждает рассматривать данные районы через призму их геостратегического значения. Из этой посылки должно исходить и отношение к аборигенным сообществам.

Идея *многовариантного культурно-ориентированного саморазвития* может состояться лишь при наличии следующих условий: обязательный синтез традиционного природопользования, натурального хозяйства и рыночных отношений; переход от политики государственного патернализма к *государственному протекционизму* и активному сотрудничеству с народами Севера; привлечение коренных народов к обсуждению и принятию решений, затрагивающих их интересы; развитие *института соуправления*, в котором органы государственной власти,

малочисленные народы, хозяйствующие субъекты разделяют между собой права и обязанности по управлению конкретными территориями и их природными ресурсами; всемерная поддержка со стороны государства различных форм *самоорганизации* коренных народов через изменение идеологии законодательства в отношении этих народов, через бюджетную и налоговую политику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анчев Панко. Существует ли болгарская национальная идея? // Литературная газета. 2009. 21—27 окт.
2. Баженова Ж.М. Гражданская идентичность и политика «деассимиляции» на Окинаве в период американской оккупации (1945—1972) // Этническая идентичность и конфликт идентичностей. Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 7—20.
3. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Азбука-классика, 2002. 608 с.
4. Россия 2002—2005: соц.-демогр. ситуация: XII аналит. доклад. М.: Наука, 2008. 311 с.
5. Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М., 2004. 184 с.